Василий Алексеевич Левшин

Повесть о Алеше Поповиче -- Богатыре, служившем князю Владимиру

Сей богатырь не столько славен своею силою, как хитростью и забавным нравом. Родился он в Порусии, в доме первосвященника Ваидевута. Богатырь киевский Чурило Пленкович между прочими благодеяниями дому жрецову включил и сие. Словом сказать, месяцев через девять после отсутствия Чурилы первосвященник долженствовал для сокрытия стыда своего объявить всенародно, что Прелепа имеет тайное обхождение с богом страны той Попоензою, или Перкуном. Обрадованный народ приносил благодарные жертвы пред истуканом сего за столь крайнее одолжение стране своей, и при сем празднестве Ваидевут умел умножить суеверие порусов, заставя идола дыхать огнем и возгласить, что по особливой вере избранных порусов (и как легко догадаться) за частые и изобильные дары и жертвы он, Попоенза, доставляет им от плоти своей непобедимого защитника, который во чреве уже Пределы, имеет родиться чрез неделю и назван быть Алеса Попоевич [*Сие имя простым народом испорчено и обращено в Алешу Поповича*.].

Неудивительно, что жрец отгадал столь неложно о поле обещаемого, ибо оный родился уже за два дня пред оным провещанием. Народ недоумевал, чем возвеличить признание свое к Перкуну. Назначен сход под священным дубом, предложено: чем наилучше угодить богу -- хранителю порусов, и как почтить супругу его Прелепу? Мнения, голоса и споры началися. Всяк хотел иметь честь выдумать лучшее средство. Народ разделился на стороны. Предлагали, возражали, сердились и готовы были драться с набожнейшим намерением. Одни уверяли, что ничем так богу угодить не можно, как выколоть Прелепе глаза; и догадка сия, как ясно видимо, была самая острая, то есть, что слепая Прелепа не будет прельщаться мирским, следственно, не подаст причины супругу своему к ревности, удобно могущей навлечь гнев его на всю страну. Другие, завидующие столь разумному вспадению и не могшие выдумать лучшего, кричали решительно, что сие богохуление есть, и что предлагающих следует сожещи. Иные, кои были поумнее и кои ненавидели жреца, говорили, что надлежит Прелепу принесть на жертву пред истуканом Перкуна, понеже сим средством учинится она бессмертною. Все голоса имели своих последователей, все кричали вдруг и порознь, и однако из того не выходило меньше, как погибель Прелепина. Ваидевут должен был дать знак к молчанию, повиновались ему.

-- Вы как простолюдины, -- вещал он важно, потирая седые усы, -- не ведаете совета и намерения богов.

Признались в этом чистосердечно и верили, что он говорит правду. Жрец открыл им, что он, как собеседник богов и ходатай у оных за народ, точно скажет им, что предприять следует.

-- На острове Солнцеве, -- продолжал он, -- то есть на том острове, где солнышко имеет баню и ходит омывать пыль повседневно, лежит камень, и на оном камне написано, что подобает Прелепу и с рожденным от нее сыном отвести в храм Перкунов, назначить им особливый покой, сделать жертвенник и приносить в новолуние изобильные жертвы.

Он обнадеживал, что сей остров заподлинно есть в своем месте, и показал им в доказательство книгу, в которой без сумнения должно быть описанию об оном острове, потому что книга сия писана красною краскою и имеет золотые застежки.

Безграмотные порусы не разумели, что такое написано, и что это за книга, однако верили неопровергаемой истине слов Ваидевутовых, и опасно бы было учинить на то возражение. Они с умилением благодарили первосвященника и бежали в дом его. Прелепа и с сыном увенчана была венками из цветов и на носилках, сплетенных из лык, отнесена торжественно во храм, где жертвенник, новым сим полубогам воздвигнутый, обогащал Ваидевута с каждым месяцем. Жрец радовался о успехе хитрости своей и жалел, что имел только одну дочь, а если б было оных больше, доходы бы его распространились.

Девять лет исполнилось детищу Перкунову, и пакости, им делаемые, были уже несносны. Он шутил без разбору -- как над истинным дедом своим, так и над мнимым родителем. В приготовлениях к большим празднествам надевали на истукан венцы из благовонных цветов, но Алеша снимал оные исподтишка и надевал на идола овчинную скуфью или выводил ему усы сажею, к великому соблазну народа. Истукан Перкунов был внутри пустой, и жрец сажал в него своего внука, затверживая ему за несколько дней слова, как следовало говорить народу из идола, и которые суеверная чернь принимала за глас самого бога; но вместо сих важных слов, когда Ваидевут просил, стоя на коленях, ответа, Алеша кричал в истукан петухом, кошкою или брехал собакою. Жрец сердился, дирал за волосы пакостника и, наконец, когда сей не унимался, вышед из терпения, высек его очень больно розгами, но сие не прошло ему самому без отплаты.

Ваидевут, видя, что не можно ему употреблять внука своего к подаянию ответов, долженствовал исполнять оное сам. Празднество началось, и жрец по отправлении всесожжения влез в истукан. Огнь выходил изо рта Перкунова, народ доволен был ответами, обряды кончились, и следовало жрецу выйти вон. Однако рассерженный Алеша отмстил деду своему сверх всякого его ожидания. Он вымазал истукан внутри живою смолою, которой липкость умножилась от раздувания трута. Когда надлежало Ваидевуту выпускать огонь, борода и волосы его прилипли. Ужасно суетился он выпростать себя, но по тесноте места было то неудобно. Он вертелся, досадовал, рванулся вдруг и лишился своей бороды, лучшего своего украшения. По несчастию, в Порусии без бород ходили одни только палачи; каково ж было поругание сие Ваидевуту! Он скрывался под разными причинами от приходящих и, как не сомневался, что обязан тем своему внуку, выгнал оного из храма Попоензова и запретил под смертию оставить немедленно Порусию. Прелепа оросила его родительскими слезами, открыла ему истину, кто был его прямой отец, и велела шествовать в Киев. Порусы утешены были скоро о лишении чада Перкунова. Прелепа награждала им сие неусыпно, и борода Ваидевутова выросла.

Изгнанный Алеша шествовал в Россию, и хотя имел только тринадцать лет тогда, на рост его и сила были чрезвычайны. Дубина и жреческий нож составляли его оружие. В полях литовских уже он находился, где в то время обитали аланы, народ храбрый славенского отродия. Увидел он, продолжая путь, на утренней заре раскинутый в лугах шатер и близ оного стоящего коня богатырского. Доспехи и оружие висели на воткнутом коле, и связанный невольник караулил вход. Любопытствуя узнать, кто был сей вверивший безопасность свою невольнику, и что за глупец, имеющий способность уйти и, однако, караулящий того, кто ему связал руки, подошел он тихо к самому шатру. Невольник дремал, но, увидя незнакомого, хотел было закричать. Сей показал ему свой жреческий нож и принудил к молчанию.

-- Кто ты? -- спрашивал Алеша тихим голосом.

-- Я русский, -- отвечал невольник пошептом.

-- Ты дурак, -- продолжал Алеша.

-- Нет, -- говорил тот, -- я служил князю Киевскому начальником над тысячью всадников.

-- О! сие не препятствует, -- подхватил Алеша, -- бывают ваши братья, коим жалко бы поверить тысячу свиней. Для чего караулишь ты того, кто тебя связал? Ноги у тебя свободны, что мешает тебе бежать?

-- Какое средство бежать? Знаешь ли, кто меня связал? Здесь в шатре опочивает Царь-девица. Богатыри не выдерживают ее ударов, а конь сей может сыскать духом, хотя бы я ушел за тысячу верст. Она ездит по свету, побивает богатырей и недавно, проезжая Русскою землею, наделала ужасные разорения. Богатыри наши Добрыня Никитич и Чурило Пленкович не случились на тот час, ибо поехали на игры богатырские к князю Болгарскому. Меня послали противу ее с тысячью и думали, что легко управиться с женщиною. Мне приказано было привезти ее живую в Киев, но она перелущила моих всадников и меня взяла в плен. Два месяца я должен стеречь вход шатра сего. День я хожу свободен, а на ночь она меня связывает. В первый день покусился было я уйти, но Царь-девица догнала меня и отвесила мне ударов пять плетью, от коих я с неделю с места не вставал, и заклялся больше не бегать.

-- Беги ж теперь, -- сказал ему Алеша, -- я останусь на твоем месте, -- и развязал ему руки, укрепленные веревкою шелку шемаханского.

Невольник не думал долго и стал скоро невидим, а освободитель его подошел к коню, погладил оного и подсыпал ему из мешка белой ярой пшеницы. Конь доволен был сею ласкою, начал спокойно кушать и не ржал ни разу.

-- Посмотрим сию богатырку, -- говорил он сам себе. -- Чудно, если не солгал тысячник киевский!

И входил в шатер с твердым намерением отмстить за обиду той земли, где отец его был в чести и славе.

-- Жалко будет, -- думал он, -- если девка сия сильнее тех, кои в Порусии раскладывают огонь пред святым Дубом.

Он приблизился к кровати. Девица спала крепко. Сама Лада, богиня любви, ничуть не имела столько прелестей, колико оных представилось ему. Он поражен был оными и должен уже был отмщать и за себя. Похваляют осторожность. Сию употребил и Алеша Попович. Он привязал к кровати весьма тихо, но крепко руки и ноги разметавшейся красавицы и учинил приступ. Видеть и целовать ее было необходимо. Богатырка пробудилась, гнев ее описать не можно. Она старалась перервать веревки, но Алеша помогал оным руками. Она кляла, ругала дерзкого, но принуждена признаться побежденною. Нахал играл ее прелестьми, смеялся ее клятвам, запрещал ей связывать руки русским тысяцким и, взяв ее оружие и доспехи, уехал на ее коне. Раздраженная богатырка кричала ему вслед, что он не скроется от ее мщения, хотя бы ушел за тридевять земель, что она вырвет его сердце из белых грудей. Победитель ответствовал, что нет ей нужды искать его столь далеко, что в Киеве найдет его к своим услугам, и погонял коня.

Приближался он к столице царя Аланского и нашел оного стояща в полях со всем его войском. Богатырь Кимбрский, именем Ареканох, имеющий при себе девять исполинов, напал на его земли и требовал за себя в супружество единочадную дочь его. Два уже сражения потеряли аланы, не хотящие выдать государя своего поруганью, чтоб богатырь рода низкого взял силою наследницу их престола. Готовились к последнему, долженствующему решить участь государства Аланского, ибо последние силы собраны были для отпору наступающего

неукротимого Ареканоха. Алеша Попович узнал о сем, явился на отводном карауле и велел вести себя к царю Аланскому.

Царь, видя дородство его и богатые доспехи, не сомневался, чтоб не был он богатырь. Он спросил Алешу, откуда он и какую до него имеет нужду.

-- Я уроженец поруский, богатырь русский, и обещаю побить исполинов и привезть к тебе голову Ареканохову, -- сказал Алеша.

-- Не много ли ты обещаешь? -- говорил царь. -- Слыхал я про богатырей русских, но испытал уже силу Ареканохову.

-- Много ли, мало я обещаю, -- подхватил Алеша, -- какой убыток вам, если и не сдержу я слова своего? Я иду один; но обещайте мне, если привезу к вам голову богатыря Кимбрского, признать, что один Владимир-князь Киевский Всеславьевич должен подавать законы всему свету, что нет в свете сильнее, могучее богатыря его Чурилы Пленковича и что сын Чурилин Алеша Попович освободил царство Аланское от погибели. Обещайте возвестить сие чрез посольство свое князю Русскому.

Царь согласился, и тем удобнее, что не ожидал столь многих успехов из похвальбы младого витязя. Но утро решило его сомнение. Богатырь русский, хотя чувствовал крепость руки своей, хотя надеялся на остроту своего разума, но не мог уснуть во всю ночь. Опасность предприятия повергала его во многие размышления. Невозможно казалось ему управиться вдруг с девятью исполинами и богатырем, оными повелевающим. Но как Ареканох воевал не один, а вспомоществуемый исполинами, то считал за извинительное употребить противу его хитрость. На сей конец встал он в полночь и пошел в стан Ареканохов, находившийся в виду, ибо свет от луны освещал златоверхий шатер сего богатыря. Подкравшись с великою осторожностью, нашел он исполинов, спящих по два рядом. Рост оных был необычайный и мог бы привести в ужас всякого, кроме сына Чурилина. Исполины спали крепко. Алеша имел способность осмотреть оных и выдумывать средство к низложению их. Престрашные, с железными шипами, дубинки, составлявшие единственное их оружие, прибрал он к стороне. Всего удобнее казалось ему истребить исполинов собственными их руками, и выдумка его была весьма удобна. Во-первых, подошел он к коню Ареканохову, который стоял совсем оседлан. Он обласкал его, подсыпав ему пшеницы, размоченной в сыте медовой, и после подвязал оному под хвост пук крапивы и репейнику колючего, также, ослабив подпруги, подрезал оные так, чтобы должны были при скакании необходимо оборваться, и после подтянул седло. Потом подошел к исполинам и связал оным попарно волосы друг с другом очень крепко, а девятому, коему не было пары, надел на шею веревочную петлю и конец ее привязал к одному исполину за ногу. Все приготовлено, и следовало начинать побуждение к междоусобной драке. Алеша употребил к тому острие жреческого ножа своего, которым за один раз отрезал нос исполину, к коего ноге укреплена была петля, и с великим проворством черкал по лицам и прочих, так что каждый лишился глаза, либо губы, или уха, не видя, откуда получил удар сей. Лишенный во-первых носа имел честь начать сражение. От превеликой боли забрыкал он ногами и удавил товарища, имеющего петлю на шее. Но как не ожидал, чтобы поругание сие произошло, кроме от товарища, близ его спящего, ибо чувствовал, что сей его тянет еще и за волосы, то начал он бить и кусать зубами. Тот по разным причинам готов был отмщать себя и вертел удары сугубою отплатою. Прочие исполины спросонья и от боли охотно употребили пример товарищей своих и увечили себя изо всех сил. Алеша подстрекал жар их, пуская им в головы камни, и имел удовольствие видеть их

истребивших себя собственными руками, понеже исполины умолкли тогда только, как иной остался без головы, оторванной руками того, коему перегрыз горло, другой удавлен в объятиях того, которому раскусил голову. Словом, Ареканох пробудился от сна богатырского, избавленный от труда разнимать своих помощников. Он надеялся еще на силу свою и чаял, что управится с воинством, не имеющим ни одного богатыря во всем своем множестве, но увидел скоро, что наглая сила бывает должна уступить разуму.

День настал, провозвестник царя Аланского кричал богатырю, чтоб выезжал он на бой с витязем, желающим один на один с ним переведаться и усмирить его гордость. Ареканох, раздраженный уже потерею своих исполинов, коих междоусобию не понимал он причины, тотчас сел на коня своего и с высокомерием выступил пред воинский стан аланов. Царь, предваренный о истреблении исполинов и имеющий надежду на искусство и отважность богатыря Русского, стоял на возвышенном месте со своими воинами и смотрел, исполненный ожидания, на своего ратоборца, который, смело приближась к Ареканоху, сердил его разными досадительными словами. Ареканох был толст и имел великое брюхо. Алеша называл его лягушкою, жеребною кобылою и советовал для пощады чрева его возвратиться домой, а выслать своих исполинов, ежели есть оные у него еще в запасе. Ареканох скрыпел зубами и готовился рассечь надвое дерзкого. Он кольнул коня в бока острогами и принудил к скоку. Алеша в тупой конец копья своего вколотил шило и ждал успеха предприятой хитрости. Конь Ареканохов, начав скакать, почувствовал действие крапивы и спиц репейника. Не привыкший к такой насмешке, начал он из всех сил брыкать задом и передом. Богатырь гневался на свою скотину и думал ударами возвратить его к должности, но крапива удерживала оного в прежних расположениях. Конь лягал, прыгал, становился на дыбы и наделал превеликих хлопот своему хозяину. Алеша, только и ожидавши сего происшествия, подоспел на помощь. Он вдогонку колол шилом коня и богатыря в черные мяса. Конь усугубил скок и брыканье, подпруги лопнули, и богатырь, слетев с седлом чрез голову, отбил себе зад. Царь Аланский со всем войском подняли громкий смех, взирая на неудачу своего неприятеля, да и нельзя было не хохотать, ибо Алеша колол коня и богатыря шилом с таковыми забавными ужимками, что рассмешил бы и мертвого. Он кричал странным голосом, когда конь помчал богатыря. Конь же, давши перебяку всаднику своему и настрекавши задние свои, продолжал брыканье, визжал и кувыркался. Конные аланцы бросились ловить оного, а Алеша слез с лошади, чтобы связать богатыря, ибо не хотел ему срывать голову. Ареканох собрал было остаток сил противиться, но один туз крепкой руки богатыря русского принудил его к покорности. Алеша Попович снял с него оружие и доспехи, связал его в корчажку и, вороча позади седла своего, привез к царю Аланскому.

Не можно было не иметь почтения к богатырю, избавившему от столь опасного нападателя страну Аланскую и явившему себя в толиком равнодушии в час сражения. Царь благодарил несказанно Алешу Поповича и предлагал ему великий чин в своем государстве, но сей требовал только исполнения данного слова, которое сдержано в точности. Великолепное посольство предстало пред Владимиром. Благодарили оного торжественно заодолжение, его богатырем оказанное. Самодержец русский не знал о сыне Чурилы Пленковича, спрашивал у отца, но сей не мог ничего вспомнить. Послы одарены возвратились к удовольствию царя Аланского. Между тем побежденный Ареканох удержал жизнь по просьбам своего победителя и наказан только вечным заточением. А

торжествующий богатырь простился с царем Аланским и пробирался в земли русские.

Расположа проехать сквозь Великую Польшу, спрашивал он, прибыв в оную, о ближнем пути. Указывали ему кратчайшую дорогу, но уверяли, что оная с тридцать лет учинилась непроходимою, и объявляли причину оного, что в середине леса, простирающегося на сто верст, находится древнее капище, в коем погребен великий волшебник польский, который умерщвляет всех мимоходящих.

Больше сего не нужно было неустрашимому богатырю. Он поехал путем указанным и под вечер прибыл к капищу. Развалившаяся и мхом заросшая ограда окружала оное. Трава в поле росла внутри ограды и представила тем место сие удобным к ночлегу. Богатырь расседлал коня и пустил на свежий корм, а сам, вынув из сумы дорожное кушанье и флягу с вином, расположился на паперти ужинать.

Смеркалось уже. Великий стук поднялся в капище, двери растворились навстречь, и толстый поляк начал выглядывать из оных.

-- А, господин хозяин! -- сказал богатырь. -- Не прогневайся, что я без спросу остановился здесь. Я думал, что дом этот пустой.

Поляк скрыпел на него зубами.

-- Пожалуй, не сердись, -- продолжал богатырь, -- милости прошу покушать дорожного, -- и, налив чарку вина, подносил ему.

Поляк не принимал и сверкал глазами, раскалившимися, как уголь.

-- О, пожалуй, не упрямься, -- сказал Алеша и выдернул несговорчивого поляка из-за двери. -- Выкушай-ка и будь поласковее.

Поляк толкнул рукою чарку и облил богатыря.

-- Слушай же ты, невежа, -- продолжал он, -- я хотел было с тобою познакомиться, но вижу, что ты человек угрюмый. Поди ж прочь и не мешай мне ужинать!

Поляк вместо ответа, бросясь ему под ноги, зачал кусать. Богатырь, рассердясь, поймал его за волосы, зачал таскать и бить пинками, однако поляк не дал ему удовольствовать гнев, вырвался и ушел в капище. Богатырь затворил двери, заложил цепь на пробой и, поужинав, лег спать, надеясь, что отпотчеванный пинками поляк не будет уже мешать ему. Но неугомонный житель капища не дал ему покою. Едва зачал он засыпать, сей вышел опять, положил ему голову на брюхо и приготовлялся ногтями своими выдрать ему глаза, но голова его имела действие огня. Богатырь, почувствовав жжение, вскочил в ярости, оттолкнул прочь голову столь сильно, что поляк отлетел стремглав в стену и хотел уйти. Но Алеша, схватив саблю, ударил оною по голове. Удар сей был жесток, камень бы расселся от оного, но из головы мертвеца посыпались только искры, и провалился он сквозь пол. Богатырь схватил копье и совал в отверстие с твердым намерением учинить из тела Полякова решето, однако не мог достать дна. И так лег он опять спать, и поляк не приходил уже нарушать покой его.

Когда рассвело, не оставил он поискать еще. Но не нашел отверстия, в кое поляк провалился: пол был ровен. Осматривал он и капище, но не было в оном ничего, кроме обломков от древних истуканов. Незачем было медлить, и богатырь отправился в путь.

По выезде из лесов увидел он в стороне близ дороги сидящего в глубокой задумчивости человека. Одной рукой держал он за повод лошадь, а другою подпер голову. Богатырь подъехал к оному, спрашивал о причине его видимой печали и получил в ответ следующее:

-- Вы не ошиблись, государь мой, -- начал незнакомый, -- что великая печаль лежит у меня на сердце. Я шляхтич польский и восемь лет сговорен на дочери опустошившего дорогу, которую вы проехали. Я удивляюсь, каким образом избавились вы от злобы его, следуя мимо капища, в котором погребено его тело, ибо никто не осмеливается шествовать дорогою, коя многому числу людей стоила жизни. Сей поляк назывался Твердовский, оставил после себя несказанное богатство, и невеста моя -- единая оному наследница. По смерти его познакомился я с оною. Мы восчувствовали взаимную склонность, и брак долженствовал соединить нас в назначенный день. Приуготовлялись уже к торжеству, и невеста моя находилась в преогромном доме своем, отстоящем отсюда верстах в тридцати. В самую полночь предстал пред нею дух отца ее с страшным и гневным лицом. "Знаешь ли ты, -- говорил он ей, -- что я заложил тебя еще маленькую адскому князю Велзевулу? А ты хочешь вступить в брак без ведома господина твоего. Слушай! Ты и жених твой должны дать обязательство сему дьяволу на свои души, если хочете совершить ваше супружество. С сего часа дом сей и все мое богатство отдаю я во власть оного Велзевула. Я вижу из лица твоего, что ты уже не согласна на предложение мое. Ты погибнешь от рук моих, если вступишь в брак до тех пор, как сыщется таковой бесстрашный человек, который осмелится ночевать в доме сем и выдержит все имеющие с сего часа начаться в оном страхи. Он разрушит тем клятву мою; но я не уповаю, чтоб нашелся кто-нибудь столь отважный из смертных, и ты останешься вечно в бедности, ибо без опасности смертной не можешь взять ничего из моих сокровищ. Жених твой тебе помочь не будет в состоянии. Я сожгу в сию ж минуту все его имение. Избирай! Предайте души свои дьяволу -- или терпите". Он исчез; я лишился всего моего имения внезапным пожаром. Невеста моя не имеет пропитания, понеже все сокровища ее лежат в доме, в коем всякую ночь привидения нагоняют на всех ужас и всех покушавшихся входить в дом тот хотя днем, хотя ночью удавляют. Я искал смелых людей, но по сих пор не нашел еще избавителя. Покушавшиеся за великое награждение освободить нас от несчастия погибли. Оных находили в доме оном раздробленных в мелкие части. Я прошу милостины на сей дороге и, что получу, употребляю на пропитание свое и невесты моей, с которою несчастье и любовь меня соединили.

-- Друг мой! -- сказал ему Алеша Попович. -- Я богатырь странствующий, которые с собою денег не возят; следственно, милостины я тебе подать не могу. Однако я избавлю тебя и невесту твою. Должность моя помогать несчастным и наказывать злых, а я не нашел еще нигде злее твоего нареченного тестя. Я ночевал в капище. Он напал на меня без всякой причины, но я раскроил ему лоб. Я не знаю Велзевула, ни адского князя, но из того не следует, что должно оных бояться. Веди меня в дом оный! Я обязуюсь выгнать оттуда всех пакостников. Мне сокровищ не надобно, я всем добро делаю даром, но обещаешься ли ты исполнить все, что я тебе прикажу, и быть в точном моем послушании до самого того времени, как я женю тебя на дочери Твердовского?

Незнакомый удивился странному обещанию богатыря. Не знал, что ему ответствовать, но, видя неустрашимость, написанную на лице его, и что он проехал дорогою непроходимою, ободрился и дал ему слово во всем его слушать. Они поехали.

Великий лес представился опять глазам богатыря, но провожающий его шляхтич поворачивал в сторону.

-- Куда идет сия дорога, кою мы оставляем? -- спросил богатырь.

-- Она лежит сквозь лес и самая ближняя к дому моей невесты, -- отвечает шляхтич.

-- Что ж, мы поедем оною!

-- Уже смеркается.

-- Это не мешает, мы поспеем скорее.

-- Нет, господин богатырь! Здесь висят висельники, и очень страшно. Они нападают на проезжих и давят.

-- Как тебе не стыдно, -- сказал богатырь, -- говоришь такие бредни! Задавленные будто могут нападать!

-- Воля ваша, я не могу. У меня и так волосы дыбом становятся, что я близко сего проклятого места.

-- Слушай! -- продолжал богатырь. -- Ты дал мне слово во всем повиноваться. Я повелеваю тебе вести меня к висельникам!

-- Ах, милостивый государь! -- вскричал испуганный шляхтич.

-- Нет отговорок, -- сказал богатырь.

Шляхтич сошел с лошади, становился на колени, кланялся до земли. Ничто не помогло. Богатырь посадил его насильно на лошадь и, держа за руку и за повода лошади его, потащил в лес. Месяц светил очень ясно, виселицы показывались, и бедный шляхтич выл голосом.

-- Ах, батюшка, воротимся, -- говорил он, трепеща во всех членах. Богатырь тащил его.

Приехали под виселицы; шляхтич не двигал уже языком.

-- Ну! -- сказал богатырь. -- Чего ты боишься? Здесь нет ничего страшного. Я думаю, это изрядная ветчина! Слезь с лошади и подай мне один полоть!

Шляхтич думал, что он попался в руки людоеду, и не сомневался в своей погибели. Он не смел противиться, опасаясь, чтоб за ослушание не быть съедену, и хотя ноги его подламывались, однако, спотыкаясь, дотащился он до висельника. Призывал богов на помощь и достал иссохший труп злодея.

-- Приторочи его к седлу своему, -- приказывал богатырь.

Долженствовало повиноваться. Шляхтич привязал, сел на лошадь и ехал, не смея шевельнуться, понеже ожидал, что висельник начнет грызть его зад.

Великий огонь представился им впереди. Приблизились к оному и усмотрели множество разбойников, сидящих около котла.

-- Воротимся, господин богатырь, -- шептал дрожащий шляхтич, -- люди сии недобрые.

-- Это все равно, -- отвечал Алеша, -- где бы ни поужинать; я вижу, что они едят. Возьми мою лошадь!

Он слез, подошел к разбойникам.

-- Хлеб да соль, -- сказал он, садясь между оных, и, вырвав ложку у близ сидящего, начал есть кашу.

Разбойники поглядывали с изумлением то на богатыря, то друг на друга, не говоря ни слова.

-- Как вам не стыдно! -- вскричал богатырь. -- Есть пустую кашу! Я попотчую вас дорожною ветчиною. Гей! Малый! Подай сюда полоть!

Шляхтич не смел ослушаться, вывязал и притащил на плече висельника. Богатырь выдернул у одного разбойника с боку нож и, отрезав кусок, подавал тому, коего считал начальником. Сей ужаснулся, считая его людоедом, однако, надеясь на множество своих разбойников, думал управиться с таковым опасным человеком. Он оттолкнул руку богатыря и, вскочив, закричал:

-- К оружью!

Разбойники бросились к своим дубинам и копьям. Шляхтич обмер, а богатырь сидел спокойно. Разбойники напали на него, зачали колоть, колотить; копья не проникали лат, удары были ему сносны. Богатырь смеялся и увещевал, чтоб они не шутили. Наконец, рассердившись от удара, полученного дубиною по носу, схватил мертвого висельника за ноги и побил всех разбойников оным до смерти, ибо недоставало нужды повторять ему удары. Каждый замах размазживал разбойников по два, по три и больше.

Управясь таковым образом, ободрял он своего спутника и советовал ему поужинать.

-- Видишь ли ты, -- говорил он, -- висельники нас не задавили, разбойники оставили нам свою кашу? Не сомневайся, и Велзевул очистит дом твоей невесты. Что ж лежит до Твердовского, я надеюсь, что у него еще болит лоб от моего удара, и для того не посмеет он прекословить браку, который я утвердить хочу.

Шляхтич ободрился, видя неустрашимость и силу богатыря, следовал его примеру. Богатырь ел кашу, и он работал ложкою довольно бодро, кроме что зажимал глаз той стороны, с которой лежал висельник. Поужинав, осмотрели они пожитки разбойников. Великое множество денег и всяких вещей нашли они. Богатырь подарил ему все, и шляхтич насыпал целые сумы червонных, а прочее припрятал в стороне леса, чтоб после взять. Он не знал, как отблагодарить своего благодетеля, ибо имел уже чем прожить век, хотя бы оный и не очистил дома от привидений. Они ночевали у огня, и шляхтич не мог заснуть, поколь выпросил дозволения сжечь висельника. Поутру прибыли они в замок дочери Твердовского. Сия добродетельная девица, узнав о намерении, пред приятом богатырем к их благополучию, жалела о нем, что они будут виною его погибели, уговаривала его оставить дерзкое намерение. Алеша Попович смеялся таковым устрашениям и, дождавшись ночи, пошел в палаты выгонять Велзевула. Он поручил любовникам коня своего, с которым удалились они в хижину, где жила дочь Твердовского. При свече, которую нес он в руках своих, усмотрел великолепность комнат и богатое оных украшение. Он выбрал покой, где нашел кровать с постелью, и расклал огонь в печи. Не хотелось ему спать, а особливо для того, что опасался, чтоб не проспать, может быть, лучшего явления, кое имеет представлять Велзевул к поруганию его; и так сидел он у огня. Настала полночь; преужасный вой поднялся в близлежащих комнатах, двери растворились, и представилось ему множество жрецов, идущих с факелами. Они пели надгробные песни и несли гроб закрытый. Великое число людей обоего пола следовало за покойником, и выло страшными голосами. Лица их были разноцветные, голубые, синие, зеленые, красные, как огонь, и черные. Гроб поставили на стол в ближнем покое и продолжали пение. Богатырь думал, если только и будет страшного, то нечего опасаться. Он вышел к ним и спрашивал у жрецов, кто таков покойник. Никто не отвечал ему, и каждый щелкал на него зубами и дыхал огнем.

-- Вы великие невежи, -- сказал он жрецам. -- Не довольно, что мешаете мне отдыхать, но и не ответствуете. Пора вам вон.

С словом сим схватил он железный дверной запор, погнал всех вон. Противились ему, дышали на него огнем, прыгали, как кошки, на стены и через него, однако он бил их без милости и, выгнав всех, запер двери крепко. Захотелось ему посмотреть покойника. Он снял крышку с гроба и с удивлением увидел того поляка, которому в пустом капище разбил лоб.

-- Ба! -- вскричал он. -- Ты умер уже!

Поляк вдруг открыл глаза и заскрыпел на него зубами.

-- О! ты притворился только! -- сказал богатырь и потащил оного из гроба за волосы.

Поляк отбивался и противился, но богатырь, подернув крепко, оторвал ему голову. В то мгновение гроб исчез, и удивленный Алеша Попович понес одну только голову в свою спальню.

-- Жаль мне тебя, -- говорил он, садясь к печи и положа голову у ног своих, -- если б ты не так упрям был...

Но оторванная голова не дала ему докончить. Она укусила очень больно за ногу. Богатырь рассердился и, схватив голову, бросил в печь. Он продолжал еще ругательство к дерзкому поляку и с удовольствием поглядывал в печь, как голова его обратится в пепел. Но комедия не кончилась. Он увидел Полякову голову, обратившуюся в страшного огненного змея, и самого поляка, выезжающего на оном к нему с пламенным мечом. Нападение было близко, а богатырь сложил с себя оружие; чем же обороняться?

По счастью, стояла у печи железная кочерга довольной толщины; богатырь ветрел оною поляка толь удачно, что огненный змей со второго удара рассыпался вдребезги. Третий удар, направленный в толстую Полякову шею, зацепил по оной крюком кочерги и выбросил его раздробленного в окошко. Казалось бы, богатырю уже нечего ждать далее, но не успел он сесть, как увидел, что от частей разбитого змея вся комната загорелась пламенем. Трудно было ему противиться пламени, и всяк избрал бы средство к спасению бегством, но богатырь хотел лучше погибнуть, чем оставить пред приятое намерение. Он сел с досадою на стул и размышлял, что начать. Однако пламень был волшебный и потому не опалял его.

-- А! Так это все пужают меня! -- вскричал богатырь с улыбкою. -- Нет, Велзевул, ты не выиграешь и должен будешь взять только одного Твердовского, а дочь его освободить из закладу.

-- Нет! Ты погибнешь и не успеешь! -- закричали ему со всех сторон страшные и мерзкие голоса.

Вся комната наполнилась дьяволами разного вида. Иные имели рост исполинский, и потолок трещал, когда они умещались в комнате; другие были так малы, как воробьи и жуки. С крыльями, без крыл, с рогами, комолые, многоголовые, похожие на зверей, на птиц и все, что есть в природе ужасного. Все они ревели страшно, выли, сипели, скрежетали и бросались на богатыря. Большие бросались ему под ноги, чтоб повалить, а маленькие садились на голову, на нос, на руки и выпускали жалы, но богатырь отбивался кочергою храбро. Больше двух часов работал он на все стороны и выбился уже почти из сил. Вдруг увидел он пред собою зеленого беса в короне огненной.

-- Сын Чурилин, -- говорил ему сей бес, -- оставь намерение. Заклад Твердовского мне очень приятен, чтоб можно мне было оный возвратить; поди вон, удались -- или погибель твоя неизбежна!

-- Так то ты, Велзевул! -- сказал богатырь и схватил его за бороду.

Бес порывался, борода трещала, но не мог, однако, освободиться из крепких рук Поповича. Весь сонм дьявольский помогал своему князю. Богатырь колотил оного кочергою, пинками, лбом и отпихивал ногами прочих.

-- Отдай заклад! -- твердил он при каждом ударе.

Бес выдерживал побои и не покорялся. Наконец богатырь, недоумевая, чем оного принудить, приметил, что Велзевул весь покрыт зелеными сияющими перышками. Он подумал, что, может быть, чувствительно ему будет, если выщипывать у него

перья; и так, скорчив Велзевула в дугу, сел на оного верхом и начал с возможным проворством щипать его, как курицу. Бес застонал; богатырь продолжал труд, и затылок, спина и часть плеч учинились тотчас голы, как ладонь.

-- Покоряюсь, -- заревел Велзевул болезненно, -- отдаю тебе не токмо заклад Твердовского, но и самого его. Делай ты с ним что хочешь.

Богатырь умилостивился, пустил ощипанного беса, который со всеми своими подчиненными исчез, заклявшись Чернобогом не подходить впредь близко к дому Твердовского.

Тишина настала, и богатырь хотел уже ложиться спать, но поляк удержал его от оного, представ и повалясь в ноги своему избавителю.

-- Сильный, могучий богатырь! -- говорил он ему. -- Вы разрушили своею неустрашимостью мучения, претерпеваемые мною от Велзевула, вы уничтожили клятвы мои, доставили покой дому моему, дочери и самому мне. Земля, не принимавшая меня досель, присоединит меня к себе. Дочь моя соединит судьбу свою с любовником, ее достойным, и будет иметь счастливую жизнь; а я лишусь моего мучения. Все сие восприял я от руки вашей и приношу должную благодарность. Но чтоб не в одних только словах состояло признание мое, возьмите сей перстень (который он вздел ему на перст правой руки). Сей не только умножит вашу силу и храбрость, но когда вы пожелаете учиниться невидимым, следует вам только перевернуть оный камнем вниз. Сей перстень будет вам очень нужен.

Вы покорите через него Царь-девицу, которую столько вы обидели и которая заклялась лишить вас жизни.

Богатырь не доверял, чтоб Твердовский говорил правду, однако благодарил его за подарок.

-- Осталось только, -- продолжал поляк, -- вручить вам ключи от моих сокровищ и просить вас, чтобы вы проводили меня до моего гроба.

Богатырь согласился и, приняв связку ключей от Твердовского, следовал за ним в потайные погреба. Он показывал ему двери, кои богатырь отпирал. В одном месте лежали кучи золота, серебра, камней дорогих, а в других хранилось платье, богатые уборы и всякие редкости, достаточные удовольствовать сокровищницу Индийского Могола.

Осмотрев все, привел его Твердовский в самый нижний погреб. В оном не было ничего, кроме железного гроба. Поляк простился с богатырем, лег в гроб и в мгновение обратился в прах. Богатырь, видя, что дело кончилось, закрыл гроб крышкою, запер погреб и изломал ключ от оного. Потом, возвратясь в свою комнату, лег в постелю и заснул спокойно.

Солнце взошло уже высоко, шляхтич и дочь Твердовского дожидались возвращения богатыря и потеряли надежду, чтоб был оный в живых. По чрезмерному стуку, в минувшую ночь в палатах бывшему, заключили они, что сей отважный человек сражался с привидениями и лишился жизни. Из благодарности за доброжелание оного с радостью желали бы они похоронить его останки, но боялись войти в палаты. Между тем богатырь проснулся и кликал их к себе в окошко. Не можно описать веселия, коему предались они, услышав голос богатыря, и не сомневались, что он, когда уже остался в живых, без сомнения разрушил все бедствия судьбы их. Осмелились они и впервые вошли в дом свой после стольких лет. Богатырь рассказал им все происшествие, вручил им ключи от сокровищ, показал им все погреба и присутствовал на их свадьбе, которая с великим веселием совершилась в тот же день.

Две недели пробыл он в сем доме, был убежден неотступными просьбами новобрачных. В сие время пожелал он испытать действие своего перстня, который получил от Твердовского. Давно уже с удовольствием взирал он на пригожую хозяйку и вздумал смотреть, какова она во время сна. Обратя камень перстня вниз, вошел он в их спальню и лег между супругов. Шляхтич, проснувшись, хотел обнять жену, но удивился и ужаснулся, ощупав человека в латах. Ревность овладела им. Он вскочил, запер двери и побежал за огнем. Между тем богатырь имел время. Он спрятался в угол. Раздраженный шляхтич прибежал с огнем и саблею. Вошел, радовался, что отмстит, ибо двери были заперты и дерзкому уйти некуда. Увидел жену свою, спящую крепко, искал по всем углам, за печью, под кроватью, везде. Богатырь был невидим, и шляхтич, успокоясь, лег в постелю, уверясь, что ему спросонья показались мягкие и нежные бока женины латами. Он разбудил жену, которая досадовала на него, что лишил он ее прекраснейшего сновидения, коим она была очень довольна и ожидала повторения. Богатырь только ведал про обстоятельство шутки и о действии перстня. Он поутру простился с хозяевами и отправился в Киев.

Во время пути ничего отменного ему не приключилось, и стены киевские прияли в себя богатыря, о котором слава носилась по всей России. Он открылся отцу своему и уверил оного, что неложно должен он называть его сыном. Чурило Пленкович вспомнил о приключении в Порусии, облобызал свое чадо и радовался, что имеет детище столь достойное. Он представил его в услужение великому князю, и Владимир пожаловал его по заслугам. Забавный нрав Алеши Поповича учинил его необходимым при дворе. Все любили его, и каждый искал его дружбы. Не было дня, в который бы не произвел он какой-нибудь шутки, в чем много пособлял ему невидимый его перстень. Но я не буду описывать подробно его шуток. Может быть, оные не смешны будут на нынешний вкус: например, хохотали ужасно, когда он гордому вельможе пред челобитчиком снимал шапку и нагибал ему против воли голову. С пожилой красавицы стирал белила и румяна и открывал тем ее морщины. Злоязычников толкал под бороду и пресекал им языки. Ласкателей, вкрадывающихся в чью-нибудь доверенность, во время самых важных уклонов давал толчки и прочее. Все таковые пороки были тогда в диковинку, и потому оным смеялись.

Наконец пришло не до шуток сыну Чурилину. Царь-девица появилась пред стенами киевскими, начала опустошать окрестности сего города, вызывала богатырей и требовала выдачи виноватого. Никто не знал, какая вина, и кто виноватый, но должно было обороняться, ибо разорения ее учинились уже важны. Богатыри вменяли в бесчестие драться с женщиною, а военачальники, ведающие о участи прежде посыланного тысячника, не смели выступить. Алеша Попович открылся, что он виноватый, и обещался без всякого сражения победить и привесть сию богатырку в Киев.

Ночь наступила. Царь-девица стояла в шатре своем в заповедных лугах княжеских. Богатырь наш пошел пешим, без всякого оружия, обернул перстень свой вниз камнем и так, невидим будучи, вошел в шатер. Царь-девица разделась и лежала на постели. Она не возила уже с собою кровати, ибо Алеша Попович отучил ее опочивать столь нежно. Красавица сия оказалась богатырю только прелестна, что не мог он помыслить учинить ей что-либо злодейское ниже удержаться, чтоб, подкравшись, не поцеловать ее. Красавица почувствовала поцелуй, вскочила, оглядывалась. Свеча горела и освещала шатер; но, никого не видя, легла опять. Спальное платье ее распахнулось; белизна шеи и... Богатырь не мог не повторить

поцелуи. Уста его прилепились, и нельзя бы было ему сохранить себя в пределах почитания, кое чувствовал к особе, воспламенившей его сердце; не сердящаяся красавица, ощупав нечто существенное, оттолкнула прочь сие страстное привидение.

-- Ах, как ты жестока! -- вскричал невидимый богатырь.

Красавица смутилась и робким голосом вопрошала:

-- Кто ты, дерзкий? Телесное ли существо или...

-- Я существо, тебя обожающее, не могущее дышать, чтоб дыхание мое не подкрепляемо было твоею любовью.

-- Для чего ж ты не являешься предо мною в своем виде? Если ты обожаешь меня, зачем пугаешь ты меня таковыми сверхъестественными прикосновениями?

-- Вид мой, ах, сударыня!

-- Что!

-- Вам он ненавистен. Я не смею предстать.

-- Какой же вид твой? Откройся!

-- Но обещаете ли вы простить богатырю, вас оскорбившему?

-- Как! Неужли ты Алеша Попович! Исчезни... Или предстань, чтоб я кровью твоею омыла обиду мою!

-- Вот, сударыня! Могу ли я после этого предстать?.. Но вы не имели бы удовольствия поразить меня, если б я и показался. Знаете ли, кто я?

-- Кто ты? Ты чародей, злодей мой.

-- Нет, сударыня, я дух-хранитель ненавидимого вами богатыря. Сам он не заслуживает столь ненавистного названия. Можно ли кому-нибудь вам злодействовать? Довольно вас видеть единожды и на всю жизнь быть вашим невольником.

Красавица задумалась.

-- Но так обругать меня! -- продолжала она.

-- Сие последствие предвозмогающих чувств. Взирая на вас, не можно владеть собою. Я дух, но едва удерживаюсь... Позвольте мне принять вид виновного. Он поистине заслуживает извинения. Он молод, недурен лицом, храбр.

-- Нет! Я никак не соглашусь.

-- Однако, сударыня, -- сказал богатырь, обернув камень перстня и бросясь пред нею на колени. -- Можете ли вы быть так жестоки, чтоб не простить сей покорности? Позвольте мне за него поцеловать сию прелестную руку.

Удивленная красавица не могла сердиться, слыша похвалы себе, но и не могла бы сносить вида богатыря, овладевшего ею коварным образом, если б самый сей вид не имел в себе нечто убедительное. Она уже не считала благопристойным мстить духу-хранителю за вину того, коего он представлял образ, и довольствовалась одними только укорениями. Хитрый богатырь умел пользоваться выгодами сего обстоятельства и довершил победу. Он получил прощение на самых необходимых условиях быть ее супругом, и Царь-девица не раскаивалась, потушив опасный огнь своего мщения. Она согласилась поутру ехать в Киев и там окончить положенное намерение и сложить звание богатырки, столь противное ее полу. Страстный богатырь не мог оставить ее ни на минуту. Ночь протекла неприметно, и только Царь-девица успела рассказать ему о себе следующее:

-- Я родилась от Турда, князя Угров, и есмь плод тайной его любви с одною из первейших красавиц, служивших супруге его. Ревность княгини, открывшей сию склонность отца моего, принудила его удалить родительницу мою от двора своего, но сие не воспрепятствовало ему посещать довольно часто хижину земледельца,

где мать моя нашла убежище. Сие стоило жизни несчастной моей родительнице, ибо княгиня Угрская, проведав чрез то жилище ее, велела умертвить оную предательски. Я была у грудей и равномерно определена жертвою ее гнева, но посланные, сжалившись над младенчеством моим, отдали меня встретившейся старухе. Сия была волшебница и воспитала меня вместо дочери. Князь Турд столько крушился о смерти моей матери, что непродолжительно следовал за нею в гроб... Вся надежда моя тем пресеклась, и участь моя зависела от одной моей воспитательницы. Оная, предвидя, по науке своей, опасность, имеющую мне быть от мужчин, заключила дать мне отменную силу и научить всем богатырским ухваткам, чтоб я, странствуя в мужском одеянии, могла избегнуть грозящих мне несчастий. Воспитание влияло в меня толь великую склонность к сему роду жизни, что я иногда сомневалась о истинном моем поле. Достигнув пятнадцати лет, испросила я дозволения у моей воспитательницы выступить на подвиги и, получа вооружение, отправилась. Я странствовала по разным дворам северных государей, приобретая великую славу на разных потехах и поединках с богатырями. Страсть побеждать сильных витязей толико мною овладела, что я, приезжая в какую-нибудь землю, вызывала на поединок богатырей той страны, в случае ж непослушания принуждала к тому неприятельскими действиями. Я перебила и переувечила оных немало. Слава моя и гордость умножились, мне казалось уже приятнее торжествовать, покоряя мужчин, открыв настоящий мой пол, и я назвалась Царь-девицею, понеже слово "царь" казалось мне всего приличнее побеждающим. По несчастию, быв в Великой Польше, проезжала я сквозь один непроходимый лес и имела сражение с неким чародеем, именуемым Твердовским. Сей опустошил дорогу, которую я проезжала, и погублял всех на оную вспадающих. Он появился ко мне в виде страшного мертвеца, имеющего железные когти, напал и старался растерзать меня. Я имела столько отважности, чтоб отразить его нападение, и чародей, видя неудачу в намерении своем, отшел от меня, произнеся ужасные клятвы и угрозы. Он предвещал мне, что я скоро буду побеждена богатырем Киевским. Я смеялась таковым угрозам, но с того времени, конечно, по чародейству Твердовского, сделалась я очень сонлива. Для чего, победив тысячника киевского, удержала я оного при себе, для стражи во время моего сна. Но чему быть, то будет. Ты, любезный неприятель, превозмог мою предосторожность и... дал мне знать, что женщина подвержена своим слабостям, и что мужчины много имеют средств победить ее гордость... Признаюсь, что наглый твой поступок поверг меня в отчаяние, и справедливый гнев мой побуждал к жестокому над тобой отмщению, но посреди самой моей ярости находила я в себе чувствование, в пользу твою клонящееся. Долго я сражалась сама с собою, осуждала убеждающую меня слабость. Стократно определяла твою погибель, столько ж уступала моему сердцу и наконец испытала, что я женщина. Я не могла простить тебя, но невозможно уже было и покушаться на жизнь твою. Она учинилась мне драгоценною, и я искала уже тебя для того только, чтоб ты признался в вине своей. Я сыскала тебя и жертвую. Я познаю цену победы моей. Тогда я покоряла богатырей только временно, но в тебе надеюсь иметь пленника навеки.

Сей пламенный разговор окончился поцелуем и подал случай наговорить богатырю Киевскому тысячи нежных извинений, тысячу ласкательств; но я сомневаюсь, чтоб удержался он от преступления, в коем извинялся. Сказать правду: не существенность преступления составляет вину, а обстоятельство и время.

Солнце взошло уже, и самодержец Русский увидел опасную неприятельницу, с покорностью подвергшуюся его законам. Царь-девица не скрыла, на каких условиях вступает она в подданство. Алеша Попович просил дозволения у своего государя, о дозволении сдержать ему свое слово. Владимир охотно соизволил на брак сей, который совершен во дворце в тот же день с превеликим торжеством. Пиршества продолжались целую неделю, и старый богатырь Чурило Пленкович, подгулявши на свадьбе у сына, имел случай сказать:

-- Противу жестокой женщины всегда должно высылать молодого пригожего детину.

Больше неизвестно о подвигах славного богатыря сего. Насильство времени лишило нас дальнейших о нем сведений, кроме чем он жил в великом согласии с своею женою и одарен был от великого князя великим имением. Слышал я, что есть отрывки о победах его, учиненных во услужении Владимировом, в летописях Косожских и Угрских, но сии не пощажены также древностию, и сказывают, что листы в них все сгнили.

Печатается по изданию: Левшин В. А. Русские сказки, Часть 1. М., 1780. Орфография и пунктуация старой печати приближены к современным нормам. Все подстрочные примечания принадлежат автору.